

ченіе универсальнаго, другіе (напр. всѣ эстетически воспринимающіе міръ), наоборотъ, въ индивидуальномъ чувствуютъ глубочайшую реальность.

Обращаясь къ Толстому, мы замѣчаемъ, что ему почти совершенно было чуждо сознание цѣнности индивидуальнаго. Мы говоримъ „почти“, такъ какъ нельзя сказать, что Толстой никогда не зналъ этого чувства. Оно однако сыграло очень небольшую роль въ работѣ его религіозной мысли и лишь внесло въ нее противорѣчія.

Будучи тонкимъ психологомъ, Толстой глубоко чувствовалъ универсальное въ человѣческой душѣ, но ея своеобразное, неповторимое мало останавливало его вниманіе. Въ результатѣ долгаго и глубокаго проникновенія въ душевную жизнь, онъ создалъ свою особую теорію души, которая какъ бы кристаллизуется въ формулахъ то, что выдвигалось его мистическими переживаніями.

Исходнымъ пунктомъ для Толстого было то, что онъ обобщилъ подъ названіемъ „истинной жизни въ человѣкѣ“. Понятіе это этического корня и восходитъ оно къ тому факту, что человѣкъ стремится съ одной стороны къ „личному“ благу, съ другой стороны къ „общему“ благу. Невозможность этически удержаться на жизни ради личнаго блага ¹⁾ показала Толстому, что путь служенія другимъ открываетъ болѣе реальныя перспективы нравственной дѣятельности. Отреченіе отъ личнаго блага дало Толстому возможность почувствовать цѣнность „чужого“, общаго блага, — и для него, въ предѣлахъ его собственнаго сознанія, раскрылась новая, глубокая жизнь. Эта новая жизнь какъ бы реализовала тяготѣніе къ безличному, которое издавна было свойственно Толстому (особенно характерна въ этомъ отношеніи фигура Каратаева въ „Войнѣ и Мирѣ“); для Толстого открылись новыя переживанія, открылась реальность и цѣнность неличнаго, универсальнаго, стало возможно погруженіе въ жизнь человѣка: Толстому сталъ доступенъ новый и своеобразный міръ, не имѣвшій связи съ чувственной

1) Сознаніе этой невозможности далось Толстому въ результатѣ тяжелаго и труднаго процесса. До конца дней его въ немъ изрѣдка просыпалась тоска по индивидуальному „счастью“, что неволью чувствуетъ читатель, когда встрѣчаетъ рѣчи о „недостижимости“ индивидуальнаго счастья, о которой такъ часто, съ невольной горечью говоритъ Толстой.